

*N.E. Miloradova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Applied Psychology of the Kharkov National University of Internal Affairs; E.V. Shehovtsova, Postgraduate at the Department of Common and Practical Psychology of the Educational Scientific Institute of Law and Mass Communications of the Kharkov National University of Internal Affairs*

**SOCIAL FACTORS IN THE SYSTEM OF FACTORS OF FORMATION OF SOCIAL ARRANGEMENTS OF THE LAW ENFORCEMENT BODIES ON THE STAGE OF PROFESSIONAL TRAINING**

*The author describes factors which influence the formation of social arrangements of the law enforcement bodies on the stage of professional training. Special attention is paid to social arrangements. The author analyzes the following social factors: socialization, mass media, interpersonal interaction, peculiarities of organization of educational process including specificity of subjects which are taught in corresponding University, influence of the teaching staff, personal example, status value, image of the higher educational establishment, problems in organization of activity of the bodies of internal affairs, their reforming, attitude of population towards the bodies of internal affairs, trust or distrust to them.*

*Keywords: arrangement, social arrangement, attitude, social factors of formation of social arrangement.*

УДК 343.36

**В.В. Намнясев**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России  
(e-mail: v.namnyaseff@yandex.ru)

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВМЕШАТЕЛЬСТВО  
В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРАВОСУДИЯ  
ИЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:  
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

*Анализируются особенности регламентации уголовной ответственности за вмешательство в деятельность органов правосудия или предварительного расследования от Уголовного уложения 1903 г. до современных правовых актов Российской Федерации. Рассматривается развитие основных составов преступлений, предусматривавших ответственность за разного рода неправомерные воздействия на лиц, осуществлявших функции судебных органов или органов предварительного расследования.*

*Ключевые слова: правосудие, воспрепятствование, вмешательство, ответственность, законодательная регламентация, Уголовное уложение, судебная власть.*

Российская система правосудия имеет многовековую историю. Являясь особым видом государственной деятельности, осуществляет ее исключительно органами судебной власти путем рассмотрения уголовных, гражданских, административных и иных дел, причем эти органы власти нередко подвергаются разного рода внешним негативным воздействиям, ставящим под угрозу их самостоятельность, обособленность и независимость.

Различные по содержанию нормы российских правовых актов от Уголовного уложения 1903 г. до современного законодательства объединяет то, что все они были призваны защитить от разного рода посягательств прежде всего субъектов процессуальных отношений, осуществляющих правосудие или предварительное расследование по уголовным делам. Подвергнув анализу данные источники, можно выявить наиболее распространенные, посягающие на интересы правосудия, характерные для определенных исторических периодов развития Российского государства деяния. Такая деятельность представляется важной для правильного толкования и совершенствования современного уголовного законодательства, содержащего нормы об ответственности за совершение преступлений против правосудия.

Итогом развития российского дореволюционного уголовного законодательства стало Уголовное уложение 1903 г. [1]. Впервые в истории российского законодательства в этом документе нашлось место для главы «О противодействии правосудию», где были сосредоточены

призванные защитить от преступных воздействий интересы судебной власти нормы и содержался довольно узкий круг преступлений, посягающих на интересы правосудия.

Так, в гл. 7 данного Уложения «О противодействии правосудию» помещены традиционные для российского законодательства нормы: заведомо ложный донос (ст. 156, 157), лжесвидетельство (ст. 158, 160, 161), недонесение о преступлении (ст. 162–164), повреждение, сокрытие или захват вещественного доказательства (ст. 166), укрывательство преступника (ст. 167, 168), побег арестованного (осужденного) и помощь в организации побега (ст. 173–177). В процессе совершенствования законодательства данные статьи претерпели изменения, в отдельных случаях их диспозиции были расширены и дополнены. Также был введен ряд новых норм, содержащих составы фальсификации доказательств (ст. 159), отказ в выдаче вещественного или письменного доказательства по уголовному делу (ст. 165). В ч. 1 ст. 159 говорилось о «подделке или переделке письменного или вещественного доказательства с целью навлечь подозрение на определенное лицо в учинении преступного деяния или служебного проступка, если такое ложное доказательство...послужило поводом к возбуждению уголовного преследования». В ч. 2 этой статьи предписывалось предоставлять такие доказательства «суду или власти, уполномоченной на производство дознания, возбуждения уголовного преследования...». Таким образом, эта норма предусматривала ответственность фактически за умышленную фальсификацию доказательств, а также была призвана защищать личные интересы ложно обвиненного лица.

В ст. 165 говорилось об «умышленном ослушании... законному требованию подлежащей власти о представлении находящегося в его распоряжении вещественного или письменного доказательства по уголовному делу». Из диспозиции данной статьи видно, что это преступление могло совершаться путем бездействия и выражалось в отказе предоставить уполномоченному должностному лицу вещественные доказательства либо предметы или документы, которые могли быть признаны таковыми. Данное преступление совершалось умышленно в отношении судей уголовного суда, следователей или иных лиц, уполномоченных законом на выполнение следственных действий или функций дознания. В гл. 7 отсутствовали нормы, предусматривавшие ответственность за насильственные действия в отношении судебных чиновников или представителей следственных органов. Нормы об ответственности за подобные деяния были помещены в гл. 6 Уложения «О неповиновении власти». С.В. Познышев писал: «Насильственные действия против судебных органов подойдут, как частные случаи, под соответствующие понятия сопротивления, принуждения и т. д.» [2].

Несмотря на отдельные недостатки, относящиеся в основном к систематизации составов в соответствии с социальной ценностью и значимостью объектов уголовно-правовой охраны, в нормах Уголовного уложения 1903 г. достаточно полно были представлены деяния, посягавшие на интересы правосудия.

Революция 1917 г. и последовавшие после нее кардинальные изменения в государственном строе привели к разрушению «старорежимной» правовой системы. Возникла острая необходимость создания нового уголовного законодательства. Следует отметить, что советское правительство не сразу отменило действие Российского дореволюционного законодательства. Так, А.А. Третьякович выделяет три основных этапа становления системы советского правосудия непосредственно после смены власти: ноябрь 1917 г. – март 1918 г. (осуществление правосудия судом в первую очередь на основе социалистического правосознания, а затем с использованием декретов советской власти и не отмененных большевиками старых законов); март – ноябрь 1918 г. (суд осуществлял правосудие на основе советских законов и своего социалистического правосознания. При этом отсутствовал запрет на использование старых законов, но фактически они не применялись); с ноября 1918 г. правосудие осуществлялось только судом на основе советских законов. При отсутствии или неполноте закона суд руководствовался своим социалистическим правосознанием. При этом использование законов Российской империи категорически запрещалось [3]. Но не был забыт и нередко использовался новой властью богатый законотворческий опыт, накопленный прежде.

Первый УК РСФСР был введен в действие 1 июня 1922 г. [4]. Этот нормативный акт не содержал отдельного раздела, посвященного преступлениям против правосудия, но соответствующие положения содержались в его девяти отдельных статьях, расположенных в разных главах этого кодекса. Они были помещены в главу о контрреволюционных преступлениях, пре-

ступлениях против порядка управления, должностных преступлениях и преступлениях против личности: ложный донос (ст. 177); заведомо ложное показание (ст. 178), квалифицированные виды этих преступлений (ст. 179).

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. также не содержал специальной главы о преступлениях против правосудия [5]. Вместе с тем интересующая нас группа деяний пополнилась рядом новых составов преступлений, в числе которых: сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженное с насилием над личностью представителя власти (ч. 1 ст. 73), то же деяние, не сопряженное с насилием (ч. 2 ст. 73); уклонение свидетелей от явки и отказ от дачи показаний, воспрепятствование явке свидетеля (ч. 1 ст. 92); уклонение эксперта, переводчика или понятого от явки или их отказ от исполнения обязанностей, а равно воспрепятствование явке народного заседателя (ч. 2 ст. 92); уклонение от исполнения обязанностей народного заседателя (ч. 3 ст. 92).

Например, объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ст. 92 УК РСФСР 1926 г., состоит из ряда альтернативных признаков и заключается в совершении без уважительных на то причин уклонения свидетеля, экспертов, переводчика, понятых или народных заседателей от явки по вызову органов суда и прокуратуры или в отказе этих лиц от исполнения возложенных на них органами суда и прокуратуры обязанностей.

Представляется вполне актуальной в настоящее время и ст. 78 УК РСФСР 1926 г., предусматривавшая ответственность за похищение, повреждение, сокрытие или уничтожение официальных или частных документов из государственных учреждений в целях препятствования правильному разрешению дел, или, вообще, деятельности учреждений [6]. За совершение данного преступления следовало привлекать к ответственности лиц, которые с целью воспрепятствования осуществлению правосудия похищали, повреждали, скрывали или уничтожали вещественные доказательства. При отсутствии специальной цели такие действия квалифицировались по ст. 162 или 175 (похищение или уничтожение имущества).

Следует отметить, что в данный кодекс впервые введен термин «воспрепятствование» применительно к преступлениям, посягающим на интересы правосудия. Термин «воспрепятствование» широко используется в современном уголовном законодательстве, в том числе в названии ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования».

Однако государство, призванное оградить правосудие от разного рода посягательств, в тот период времени само активно вмешивалось в его деятельность. По мнению Р.С. Абдулина, «утверждение командно-административной системы управления в начале 30-х гг. XX в. самым непосредственным образом влияет на торможение развития судебной системы страны. Исследуемый период характеризуется утверждением не только репрессивного начала в уголовном судопроизводстве, но и постоянным вмешательством советско-партийных органов в деятельность судов и санкционированием проведения в стране уголовно-правовых компаний» [7].

Так, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» судам предписывается без внесения каких-либо изменений в действующее уголовное законодательство применять к виновным в хищении имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации расстрел с конфискацией всего имущества [8].

Очередной Уголовный кодекс РСФСР вступил в силу 1 января 1961 г. В этот нормативный акт впервые в истории советского уголовного законодательства введена отдельная глава, охраняющая интересы правосудия как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

В гл. 8 Особенной части УК РСФСР 1961 г. «Преступления против правосудия» содержались нормы об ответственности за разного рода нарушения социалистической законности, совершаемые должностными лицами при производстве предварительного расследования и дознания; частными лицами, препятствующими осуществлению правосудия; частными лицами, уклоняющимися от отбывания приведенного в исполнение приговора.

Интересно содержание норм, предусматривавших уголовную ответственность физических лиц за действия (бездействие), содержащие в себе отдельные формы воспрепятствования осуществлению правосудия. Такие составы преступлений были характерны не только для совет-

ского уголовного законодательства рассматриваемого периода, но и для правовых актов Российской империи. Следует отметить, что диспозиции этих норм включали только описание единичных форм вмешательства в деятельность лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, что существенно ограничивало эффективность правовых мер борьбы с подобными преступлениями. К ним относились: заведомо ложный донос и показание (ст. 180, 181), отказ или уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения (ст. 182), разглашение данных предварительного следствия или дознания (ст. 184), растрата описанного имущества (ст. 185), укрывательство или недонесение о преступлениях (ст. 189, 190).

Общие по отношению к этим специальным составам нормы появились в 1989 и 1994 гг. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 декабря 1989 г. была введена ст. 176<sup>1</sup> УК РСФСР «Вмешательство в разрешение судебных дел» [9]. Данная норма (при наличии специальной цели) предусматривала ответственность только за неправомерное воздействие в какой бы то ни было форме на судей или народных заседателей. Однако она не защищала интересы таких специальных потерпевших, как прокуроры, следователи или лица, производящие дознание, чья деятельность непосредственно связана с расследованием и разрешением уголовных дел и которые нередко подвергались разного рода неправомерным воздействиям со стороны третьих лиц.

В том же году в УК РСФСР была введена ст. 188<sup>2</sup> «Неисполнение судебного решения», которая устанавливала ответственность за умышленное неисполнение должностным лицом решения, приговора, определения или постановления суда либо воспрепятствование их исполнению. Данные нормы следует разграничивать, анализируя объективную сторону составов преступлений. Так, диспозиция ст. 176<sup>1</sup> УК РСФСР предусматривала признаки вмешательства, представлявшего собой воздействие виновного на судей или народных заседателей только в период их деятельности по рассмотрению или разрешению дел в суде. Совершение преступления, предусмотренного ст. 188<sup>2</sup> УК РСФСР, было возможно только по отношению к уже состоявшимся судебным решениям (как путем действия, так и бездействия).

Федеральным законом от 1 июля 1994 г. в УК РСФСР 1960 г. впервые была введена норма, призванная охранять законную деятельность прокуроров, следователей и лиц, производящих дознание (ст. 191<sup>3</sup> «Воспрепятствование служебной деятельности прокурора, следователя или лица, производящего дознание») [10]. Однако данная статья была помещена в раздел преступлений против порядка управления, что представлялось необоснованным, так как деятельность указанных должностных лиц в первую очередь связана с осуществлением предварительного расследования, что относится к деятельности, направленной на содействие осуществлению правосудия. Государственной Думой России 24 мая 1996 г. был принят Уголовный кодекс, в целом соответствующий международно-правовым стандартам и социальным реалиям, сложившимся в нашей стране. Ст. 294 УК РФ 1996 г. соединила в себе содержание ст. 176<sup>1</sup> и 191<sup>3</sup> УК РСФСР 1960 г., став компактнее и точнее.

Таким образом, в результате анализа историко-правовых документов можно сделать вывод, что российским законодательством всегда охранялись интересы органов правосудия. Однако форма и содержание такой защиты изменялись в зависимости от потребностей властей. На протяжении достаточно длительного времени в законах сохранялись и совершенствовались нормы, предусматривавшие уголовную ответственность за разного рода вмешательства в деятельность судебных или следственных органов.

1. Уголовное Уложение. – СПб., 1903.

2. Познышев, С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового уложений / С.В. Познышев. – М., 1909. – С. 447.

3. Третьякович, А.А. Становление системы советского правосудия (1917–1918 гг.) / А.А. Третьякович // История государства и права. – 2006. – № 9. – С. 36–37.

4. Уголовный Кодекс РСФСР с алфавитно-предметным указателем. – М., 1922.

5. Уголовный Кодекс РСФСР в редакции 1926 года. С изменениями до 20 марта 1931 г. – М., 1931.

6. Уголовный кодекс редакции 1926 года с комментарием / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – М., 1927.

7. Абдулин, Р.С. Судебное управление в Советской России в довоенный период (1930–1940) / Р.С. Абдулин // История государства и права. – 2013. – № 2. – С. 40–45.

8. Свод законов СССР. – 1932. – № 62. – Ст. 360.
9. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1989. – № 50. – Ст. 1477.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 10. – Ст. 1109.

Дата поступления в редакцию: 30.03.15

**V.V. Namnyasev**, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Training and Scientific Complex for Preliminary Inquiry in the Bodies of Internal Affairs of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia*

HISTORICAL AND LEGAL ASPECT OF REGULATING LIABILITY FOR INTERFERING INTO ACTIVITY OF BODIES OF JUSTICE OR PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES (FROM THE CRIMINAL CODE OF 1903 TO THE CURRENT LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

*The article analyses peculiarities of regulating criminal liability for interference with the activity of judicial or preliminary investigation bodies since the Criminal Code of 1903 and up to the present legislation of Russia. The author describes development of corpus delicti of the cases, which entail responsibility for illegitimate influence on bodies of justice and preliminary investigation.*

*Keywords: justice, counteraction, interference, liability, legislative regulation, Criminal Code, judicial authority.*

УДК 343.98.06.001.33:53.082.5

**Е.В. Неня**, *соискатель кафедры криминалистики и судебной медицины Национальной академии внутренних дел (Украина)*  
(e-mail: nenya2012@ukr.net)

### **СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ВЫБОРУ ОПТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ МИКРООБЪЕКТОВ**

*Предлагается деление оптических методов, применяемых в экспертной деятельности при исследовании микрообъектов, на три основные группы, а также классификационные схемы методов оптической микроскопии и оптической спектроскопии.*

*Ключевые слова: оптическая микроскопия, оптическая спектроскопия, метод исследования, микрообъект, анализ, классификация.*

Экспертное исследование микрообъектов является неотъемлемой частью использования этого вида вещественных доказательств в уголовном процессе.

Значимость микрообъектов и их ярко выраженная специфика всегда вызывали большой интерес криминалистов многих стран, в том числе Г. Гросса, В.И. Гончаренко, В.П. Колмакова, Г.Л. Грановского, И.Ф. Крылова, П. Кирка, П.А. Минакова, О. Венделя, А. Свенсона, М.Б. Вандера, Н.И. Маланьиной, В.И. Шиканова, Н.А. Селиванова, Е.П. Ищенко, Н.И. Клименко, А.А. Кириченко.

Микрообъекты имеют физические и химические свойства, которые являются важными для решения криминалистических задач диагностического и классификационного, а также идентификационного характера. При этом физические константы, результаты анализа химических свойств часто дополняют друг друга.

Для установления этих свойств применяются оптические методы – методы, основанные на использовании законов оптики, касающихся природы распространения и взаимодействия с веществом электромагнитного излучения оптического диапазона, и позволяющие получать информацию об исследуемом объекте.

В рамках криминалистического исследования микрообъектов с использованием оптических методов производится (по характеру получаемых результатов):

1) морфологический анализ, с помощью которого изучается строение материальной основы микрообъекта для получения информации о его природе (внешнее строение (форма, структура, цвет и т. д.) и внутреннее строение);

2) элементный анализ – качественное обнаружение и количественное (полуколичественное) определение элементов и элементного состава веществ, материалов и различных объек-